

Е. А. Васильева

Внешнеэкономическая «политика открытости» Китайской Народной Республики в оценках отечественных исследователей 70–90-х гг. XX в.

E. A. Vasilyeva

The PRC's Foreign Economic «Open Policy» in Opinions of National Researchers in the End of the 70–90s of the XX Century

Статья посвящена историографическим аспектам внешнеэкономической деятельности КНР. В центре внимания автора взгляды ученых на проблемы становления и функционирования специальных экономических зон Китая.

Ключевые слова: Китай, специальная экономическая зона, «политика открытости», иностранный капитал.

The article is concerned with the historiographic aspects of the People's Republic of China foreign economic activity. The author focuses her attention on the views of scientists on formation and operation of Chinese free economic areas.

Key words: China, free economic area, «open policy», foreign capital.

Начавшийся в конце 70-х гг. XX в. радикальный пересмотр основных направлений экономического развития Китая позволил пекинскому руководству кардинально изменить свою политику в области внешнеэкономических связей, отказавшись от замкнутой автаркической модели хозяйствования. Провозглашенная «открытость» и комплекс мер, предпринятых для интеграции Китая в мировую экономику, нашли отражение в работах отечественных исследователей.

Анализируя публикации ведущих отечественных специалистов-востоковедов, можно проследить эволюцию их оценок происходящих в Китайской Народной Республике экономических преобразований, выявить и систематизировать круг затрагиваемых ими вопросов.

Для отечественной историографии конца 1970-х — начала 1980-х гг. характерна была описательность происходящих в КНР процессов и явлений. Оценки отечественных ученых в этот период в значительной степени были обусловлены разрывом советско-китайского альянса, напряженностью в двусторонних отношениях, что не могло не породить определенного скептицизма в отношении происходивших в Китае перемен. В этих условиях вопрос о политике внешнеэкономической открытости КНР не являлся первостепенным и чаще всего рассматривался в контексте анализа проводимых в стране реформ. Тем не менее большинство исследователей выделяли среди прочих процессов внешнеэкономическую активность КНР и отмечали ее новые направления, в частности, прямое привлечение в страну иностранного предпринимательского капитала. Претворение в жизнь этого направления стало возможным благодаря запущенному в середине 1979 г. проекту создания специальных

экономических зон — СЭЗ (по решению Госсовета КНР первые зоны были созданы в районах городов Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу (провинция Гуандун) и Сямэнь (провинция Фуцзянь).

Рассматривая новый процесс и выделяя цели создания СЭЗ на территории Китая, советские ученые (Б. Гусев, В. Я. Портяков, С. В. Степанов) сходились во мнении, что СЭЗ, с одной стороны, должны были способствовать привлечению в страну иностранного капитала (прежде всего из Гонконга и Макао), передовой техники и технологии, управленческого опыта, а также созданию базы для подготовки значительного числа квалифицированных кадров [1, с. 14; 2, с. 38]. С другой стороны, СЭЗ призваны были предоставить ценный опыт для развития реформы экономической системы внутри страны. Таким образом, СЭЗ должны были сыграть роль своеобразных «окон во внешний мир», позволяющих не только привлекать инвестиции и технологии из-за границы, но и изучать «вблизи» процессы, происходящие на мировом рынке, получать достоверную информацию об имеющихся тенденциях изменения конъюнктуры, а также для использования в пропагандистских целях (расчет на хуацяо из Гонконга и Макао) [1, с. 14].

В начале 1980-х гг., признавая положительные сдвиги в экономике Китая, проявившиеся в результате внедрения новых форм внешнеэкономической деятельности, советские исследователи вместе с тем акцентировали внимание на том, что масштабы привлечения предпринимательских инвестиций из-за рубежа слишком малы. В свою очередь В. Я. Портяков и С. В. Степанов, подчеркивая, что прямые иностранные инвестиции, поступающие в СЭЗ, используются не в полном объеме, тем не менее, от-

мечали, что «намечается тенденция к наращиванию год от года объема сделок с иностранными бизнесменами» [2, с. 40].

В работах второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. особое внимание уделялось выявлению причин невысокой активности западного капитала в китайских СЭЗ. В качестве основной причины выделялась «непроработанность» инвестиционного законодательства КНР (С. А. Манежев) в сочетании с коррупцией и «идеологическими мотивами»: воспитанные в духе прежних догм, чиновники видели в привлечении зарубежных инвестиций прежде всего уступку капитализму и потому, будучи не в состоянии препятствовать этому процессу, находили утешение «в выдвижении непомерных требований к инвесторам в качестве условия для приложения капиталов» [1, с. 14–16].

Второй причиной считалась недостаточная обеспеченность энергией, транспортными средствами, квалифицированной рабочей силой, неразвитость транспортной системы и городского хозяйства КНР, отлаженной сети международных телекоммуникаций (С. А. Манежев, Б. Гусев, С. Станковский).

Наличие высокой степени государственного контроля и централизации экономики, а также запутанность системы налогообложения и таможенного контроля, отсутствие единых для всех зон критериев взимания налогов, чрезмерная ставка индивидуального подоходного налога с зарплаты рабочих и служащих — третья причина низкой активности иностранных инвесторов, выделяемая отечественными исследователями.

Внедрение в китайскую экономику новых принципов хозяйствования неизбежно повлекло за собой тщательный анализ внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности КНР. Внимание к преобразованиям в Китае со стороны отечественных исследователей усилилось в связи с изменениями, происходившими непосредственно в самом Советском Союзе с середины 1980-х гг. Реформы, начатые в нашей стране, требовали глубокого осмысления советских реалий и мирового опыта, в том числе и успешного китайского.

Советские исследователи во второй половине 1980-х гг. безоговорочно признают происходившие в СЭЗ положительные изменения: формирование нового типа экономики, становление нормативно-правовой базы, улучшение социального уровня жизни населения, формирование нового типа управленческого персонала и т. п. Тем не менее, несмотря на значительные положительные успехи, от внимания советских экспертов, опиравшихся на статистические материалы и публикации китайских авторов, не ускользнули проблемы, возникающие в ходе реализации нового внешнеэкономического курса страны.

Общим местом для работ отечественных исследователей была констатация того, что «открытость» СЭЗ

внешнему миру благоприятствовала совершению экономических преступлений, таких как коррупция, контрабанда, валютные спекуляции.

Параллельно с экономическими трудностями функционирования СЭЗ авторы отмечали и проблемы политического характера. По прогнозам отечественных аналитиков конца 1980–1990-х гг., «открытость» иностранным инвесторам и получение огромных инвестиций в первую очередь приведут к увеличению разрыва в развитии между СЭЗ и другими провинциями Китая в социально-экономическом плане, нарастанию социальной напряженности. Подводя итоги первого десятилетия реформ Китая в области внешнеэкономической деятельности, советские исследователи единодушно отмечали несомненный положительный успех нововведений, хотя он и не достиг ожидаемого уровня. Главным достижением, по их мнению (С. А. Манежев, Б. Гусев, Э. П. Пивоварова и др.), являлся пересмотр китайским руководством прежних экономических установок и создание условий на территориях СЭЗ для привлечения иностранных инвесторов, способных обогатить и улучшить китайскую экономику. Факт создания СЭЗ, основывающихся на принципах рыночной экономики, являлся прорывом для социалистического Китая. И. Егоров считает, что развитие СЭЗ создало действенный канал включения страны во внешнеэкономическое сотрудничество. По его мнению, это приобщает страну к практике и законам международного рынка, взаимодействию внутренней экономики с внешним рынком, приобретению соответствующего опыта [3, с. 145].

Исследователи также отмечали долгосрочность и постепенность внедрения новой системы хозяйствования в СЭЗ, вызванную явным желанием улучшить свои стартовые экономические условия и развить принципиально важные в технологическом плане направления.

Тем не менее в работах советских ученых отчетливо прослеживается мысль о том, что полученные в первое десятилетие результаты оказались намного ниже, чем было запланировано, и «СЭЗ еще очень далеки от выполнения тех функций, которые для них были определены» [1, с. 14; 2, с. 44]. Исследователи отмечают, что возникающие трудности и проблемы заставляют пересматривать и корректировать обозначенные задачи, продолжать дальнейшее развитие по эволюционному пути. По мнению Э. П. Пивоваровой, в «поиске “китайской модели социализма”, который ведется в КНР с конца 70-х годов, данная находка (“открытие” внешнему миру) является наиболее результативной» [4, с. 284]. Ряд авторов акцентировал внимание на противоречивости полученных результатов. Например, С. Манежев не считал СЭЗ самостоятельной и высокопродуктивной моделью регионального экономического роста, рассматривая их как динамич-

ные и гибкие хозяйственные структуры, деятельность которых активно способствует переходу от закрытой административно-распределительной к открытой рыночной экономике [5, с. 64].

Развал Советского Союза в 1991 г. и начавшиеся экономические преобразования в новой России, включавшие пересмотр внешнеэкономической политики страны, заставили отечественных исследователей с удвоенным интересом изучать зарубежный опыт. На фоне провального курса «шоковой терапии» в нашей стране КНР демонстрировала успешные результаты своих экономических преобразований. В 1990-е гг. отмечается резкий рост числа публикаций, раскрывающих различные аспекты этого процесса: инвестиционная политика КНР, итоги развития СЭЗ и других преференциальных территорий Китая, специфика и дальнейшие перспективы территориальной открытости страны, а также возможность применения китайского опыта в рамках проводимых в России реформ.

Анализ проблем СЭЗ, вызванных переходом экономики страны к рынку, уходил на второй план. В целом, круг проблем, выделяемых отечественными исследователями, можно свести к следующему: поверхностный характер индустриализации СЭЗ с низким удельным весом технологического компонента; реализация львиной доли продукции СЭЗ на внутреннем рынке КНР за иностранную валюту; тяготение предприятий СЭЗ к обособленности в китайской экономике, недостаточно проработанная правовая база, вопросы социально-политического характера.

В отечественных исследованиях 1990-х гг. большое внимание уделялось систематизации основных принципов эффективности экономических преобразований, делался акцент на китайскую специфику, которая, по мнению большинства исследователей (С. Манежев, В. Шабалин, П. Мозиас и др.), виделась в следующем:

- регулируемая государством диверсификация и совершенствование структуры внешнеэкономических связей;

- поэтапная системная перестройка механизма управления и регулирования внешнеэкономической деятельности, важнейшими направлениями которой стали последовательная монополизация и децентрализация внешнеторговой сферы, постепенный переход государства от прямого административно-директивного управления к преимущественно экономическому контролю внешних связей — внедрение преференциальной системы развития экспортоориентированных производств на предприятиях различных форм собственности;

- поэтапное формирование многоуровневой территориальной структуры открытости экономики. По мнению П. М. Мозиаса, приоритеты китайской государственной политики территориального развития

направлены на постепенное продвижение центра тяжести хозяйственного строительства с Востока на Запад. Импульсы ускоренного роста, исходящие из преференциальных зон побережья, должны постепенно распространяться на внутренние регионы по цепочке: специальные экономические зоны — 14 приморских городов — «открытые» приморские зоны — районы без специального инвестиционного режима [6, с. 68–69]. В. С. Милонов, опираясь на труды китайских ученых, полагает, что избранная Китаем стратегия очередного территориального расширения открытости привела к формированию градиентности развития политики открытия Китая внешнему миру [7, с. 28].

В российском научном сообществе возрастает интерес к китайской модели «внешней открытости», которая, по мнению В. В. Карлаусова и В. И. Шабалина, основывается на эволюционно-очаговом типе интеграции территории страны в мировое рыночное хозяйство. Китайская модель развития территориально-экономической открытости, как показывает практика реформ, реалистична и позволяет обеспечить достаточно безболезненный, «бесшоковый» переход к рынку, постепенное включение в систему международного разделения труда регионов с различными стартовыми условиями развития производительных сил [8, с. 108; 9, с. 43].

Последовательное и рассчитанное на долгосрочную перспективу проведение инвестиционной политики, способствующее формированию устойчивого притока инвестиций в страну, рассматривалось российскими аналитиками в положительном ключе. Успехи КНР в привлечении из-за рубежа прямых иностранных инвестиций во многом связаны с созданием на значительной части территории страны благоприятного инвестиционного климата. П. Мозиас, В. Карлаусов отмечают, что Пекину удалось умело использовать интерес зарубежных предпринимателей к сравнительным преимуществам экономики Китая (наличие огромного внутреннего рынка, низкая стоимость рабочей силы, дешевизна прав землепользования и т. д.) и направить его в наиболее необходимые секторы национального хозяйства [8, с. 108; 10, с. 84]. Расчет на привлечение в страну валютных средств зарубежной китайской диаспоры оправдал себя. К концу 1990-х гг. ряд российских исследователей отмечали тенденцию к унификации режимов для иностранных и китайских инвесторов на всей территории Китая, в том числе и в СЭЗ. Выравнивание режимов происходит не только за счет лишения предприятий с иностранным участием их преференциального статуса, но и за счет распространения многих преимуществ, которыми раньше пользовались только иностранные инвесторы, на китайские предприятия [10, с. 85].

Успешность китайских внешнеэкономических преобразований ставилась в пример российским реформаторам. Внимание отечественных исследователей

к эксперименту соседа в немалой степени обусловлено неудачным российским опытом создания СЭЗ. Первые специальные экономические зоны России, возникшие в начале 1990-х гг., были ярким примером внутригосударственной бессистемности и неэффективности экономических преобразований. Зоны, созданные в КНР, напротив, представлялись исследователям ярким примером продуманной внутригосударственной политики. Экономисты-востоковеды призывали отечественных реформаторов взять на вооружение основные аспекты китайской модели и приспособить их к условиям нашей страны.

Оценивая двадцатилетнюю практику китайского курса реформ внешнеэкономической открытости, российские исследователи говорили о впечатляющем продвижении страны в этом направлении. Согласно преобладающим оценкам, Пекин смог воспользоваться внешнеэкономическими связями и нарастить свой производственный и научно-технический потенци-

ал, грамотно встроить экономику страны в мировую экономику, создать благоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций, несмотря на возникающие трудности и проблемы. Политика «внешней открытости» является одним из важных сегментов системных экономических преобразований в КНР. По мнению Г. А. Ганшина, весь смысл проведения экономической реформы видится в повышении жизненного уровня населения [11, с. 188].

Отечественная историография обозначенного периода прошла долгий путь от скептических и негативных оценок политики «внешней открытости» до признания ее эффективности и высокой результативности. Круг рассматриваемых отечественными авторами вопросов расширился с каждым годом, и уже в 1990-е гг. в условиях нормализации российско-китайских отношений в научном сообществе сложилось комплексное и более адекватное представление о проводимых в Китае экономических преобразованиях.

Библиографический список

1. Гусев Б. Специальные экономические зоны сегодня // Проблемы Дальнего Востока. — 1991. — № 3.
2. Портяков В. Я., Степанов С. В. Специальные экономические зоны Китая // Проблемы Дальнего Востока. — 1986. — № 1.
3. Егоров И. СЭЗы в Китае // Профсоюзы и экономика. — 1993. — № 6.
4. Пивоварова Э. П. Строительство социализма со спецификой Китая. Поиск пути. — М., 1992.
5. Манежев С. Опыт КНР в создании СЭЗ // Об опыте экономических преобразований в Китае: информационный бюллетень Института Дальнего Востока. — № 7. — М., 1993.
6. Мозиас М. П. Процесс «территориальной открытости» в КНР // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы : тезисы докладов IV

- Международной научной конференции (Москва, 6–8 октября 1993 г.). — М., 1993. — Ч. 1.
7. Милонов В. С. Открытие Китая внешнему миру (политика, теория, стратегия) : научно-аналитический обзор. — М., 1996.
8. Карлаусов В. Китайская политика открытой экономики // Российский экономический журнал. — 1993. — № 5.
9. Об опыте экономических преобразований в КНР : информационный бюллетень Института Дальнего Востока / отв. ред. В. И. Шабалин. — М., 1993. — № 7.
10. Мозиас П. Либерализация инвестиционного режима: опыт Китая // Проблемы Дальнего Востока. — 1999. — № 4.
11. Ганшин Г. А. Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. — М., 1997.